

В Ильинской церкви в небольшом селе Московской губернии шла всенощная. Отец Александр Флоров, настоятель, сухой седобородый старик с пепельным лицом, сверкая камнями на митре, в голубом, поношенном облачении кадил храм.

Потрескивали свечи, отражаясь в полукруглых церковных оконцах, позвякивали кадельные бубенцы, таинственно глядели задумчивые образа с иконостаса и закопчённых росписей. По случаю праздника Казанской иконы всеми свечами горело старинное паникадило. Пахло ладаном и воском.

Народу собралось немного – несколько старух, да белокурой мальчуган лет семи с пожилой матерью. Было покойно и благолепно. Из Евангелия прочитали Богородичное зачало, совершили помазание. На клиросе приятным сопрано одиноко пела дочь настоятеля Елизавета Александровна, приехавшая на праздник провести родителей. Отец Александр, привыкший к хриплому пению дьячка, грешным делом думал: «Какое счастье, что Кузьмич запил и не пришёл. Как же красиво можно петь!» И, слушая, как умильно разливались ирмосы и катавасии канона, он вспомнил первые годы священства, архиерейский хор, кафедральный собор.

Как-то быстро отзвучали стихиры, первый час, всенощная кончилась, и храм опустел.

- Лизок, ты ступай к матери, Кузьмич закутил, я всё загашу сам и подойду, - сказал отец Александр старческим басом.

Отец Александр, оставшись один в храме,

стал задувать лампы, как вдруг проскрипела входная дверь. Настоятель обернулся. В тёмном притворе виднелся мужской силуэт. Человек кашлянул, потоптался на месте и вошёл в церковь. Мерно горящее паникадило осветило бородатого, в летах господина.

Незнакомец был одет в двубортное темно-синее драповое пальто. Правая рука его сминала модный картуз, а левая опиралась на чёрную, с серебряными инкрустациями трость.

- Гм... Мое почтение. Служба кончилась? Старче, я к вам. Во, вы какой! Точно, истинный старец! - Сказал он скрипучим голосом и пригладил рукой поседевшую шевелюру.

- Ко мне? – удивился отец Александр, и ему показалось, что лицо человека до боли знакомо и почему-то неприятное и отталкивающее.

- Да, именно... Мне нужен старец! Затем я и приехал месить вашу грязь. Иной поп мне не подмога, только духовный старец сможет помочь мне... Помилуйте, старче, спасайте! А то, того... Руки могу на себя наложить...

Отец Александр посмотрел незнакомцу в глубоко сидящие, мутно-зелёные глаза и обмяк, ему стало приятно, что человек назвал его старцем.

- Какой же я старец! Кто вам сказал такую чушь. Ежели я седой, это не значит, что старец. Старцы в монастырях почивают...

- Гм... Почивают... Да будет вам, я по рекомендации, не отнекивайтесь, лучше помогите. Исповедайте!

- Однако, какой вы прыткий. Ну, полно,

полно, говорите, что струсилось?

- Э, нет, так не пойдёт. Вы же божий человек! Это разве исповедь? Я знаю, как положено. Я буду говорить только у креста и Евангелия.

- Гм... Раз вы такие учёные господа, тогда милости просим, приходите завтра к обедне. На Казанскую! Там я буду исповедовать и причащать. Даст Бог, потолкуем и у креста. «Ну, и зануду к вечеру принесло», - подумал отец Александр.

- А сейчас, что мешает? Священник может проводить исповедь в любое время, - властно произнес незнакомец.

- Я же сказал - завтра. Не надо меня учить, - отрезал настоятель.

- Завтра может быть поздно. Я из города мчался. У меня все серьёзно... Поймите же вы, могу застрелиться! Скажите, мы раньше не встречались?

- Да, Бог его ведаёт, может и встречались. Всех не упомнишь, лицо-то знакомое. Только вот пугать меня не надобно. Самоубийство - страшный грех. Так во аде можно оказаться.

- Я и так во аде. Извольте исповедовать?

«И вправду, какое знакомое лицо, - подумал настоятель, - воистину мы где-то встречались. Только где? Не в Иркутске ли? Может, и впрямь, исповедовать».

- Извольте, завтра жду на службу, - протянул отец Александр и почувствовал, как в пустом желудке заурчало, захотелось подкрепиться и отдохнуть.

Незнакомец фыркнул, сказал, что непременно придёт и ушёл, хлопнув тяжёлой дверью.

Отец Александр, наконец, прижав колпачком горевшие свечи в паникадиле и задув не потушенные лампы и огарки, проверил печь и закрыл храм.

Вымощенную камнем тропинку до дома священника освещал лунный свет. Было холодно. Отец Александр, в одной рясе, заторопился. Полосками кривились редкие стволы берёзок на фоне облетевших вишен. От быстрой ходьбы края рясы щекотал можжевеловый. Скрипел флюгер. У крыльца, в клумбах, прижимаясь к земле, едва виднелись обглоданные осенью, забытые розы. Промычала корова. На первом этаже светились окна, и двигались тени. Настоятель отворил дверь и вошёл.

Почувствовался привычный запах жареной рыбы. У плиты крутилась попадьё. Маленькая полная женщина с крупными руками, в белом передничке по-кухарски, со знанием дела расправлялась с салатным листом.

- Где ж тебя носит? Ужин готов. Утомился, небось?

- Да так... Кости немного ломит.

Отец Александр прочитал молитву и сел за стол.

- Ведаешь, мать, я старцем в нашей округе стал, - негромко произнес настоятель.

- Старцем?

- Да, тут господин из Москвы был у меня только что, сказал: я к вам как к старцу, по рекомендации, - усмехнулся отец Александр.

- Не старцем, а старым мухомором ты стал. Если бы не твой характер, служил бы в городе настоятелем. Служил бы себе со светом, с печным отоплением, как все разумные люди. А ты...

- Полно тебе, мать, раскудаhtалась пустомеля. Опять окунят своих нажарила?

- Не моих, а твоих. Что Кузьмич несёт, то и жарю.

- Будет вам браниться, мои хорошие, здесь у вас очень даже мило, - сказала Лиза ровным мягким голосом и тихо прибавила - лучше, чем в Иркутске...

Она вдруг переменялась в лице, покраснела, опустила голову, резко встала и, шурша платьем, убежала к себе в комнату.

Настоятель вспомнил Иркутск и загрустил. В этом городе с его дочерью произошёл неприятнейший случай. Находясь в миссии, отец Александр служил при владыке. Водил дружбу с богатыми городскими чинами. Дочь успешно училась в гимназии, семья жила в достатке, всё было хорошо, но неожиданно выяснилось, что сын крупного золотопромышленника, вхожий в дом отца Александра, обесчестил его подростковую дочь. Родители переживали, пытались наказать насильника, но всё было тщетно. Мерзавца взял под крыло влиятельный папаша, смог сгладить все углы в городе, и, мало того, «поспособствовал» отцу Александру найти другую епархию.

Настоятель отставил тарелку в сторону и содрогнулся.

- Мать честная, да это же он, - пробасил старик.

- Кто? - сказала попадья.

- Да никто, это я о своём.

- Ешь давай, целый день на ногах. Тут ещё Лизок убежала. И зачем было ей вспоминать этот проклятый Иркутск?

Кусок жареного окуня и разваристая картошка спокойно остывали на тарелке, а отец Александр, поглаживая седую бороду, о чём-то соображал, не замечая ничего вокруг себя. Вскоре старик встал из-за стола, глубоко вздохнул и, не спеша, поднялся к себе на второй этаж.

- Да, что егодня с вами, - обиженно возгласила попадья.

Матушка вошла к дочери в комнату. Лиза сидела на кровати и грустными глазами смотрела на клетку, в которой суетилась маленькая песочная всклокоченная канарейка.

- Лисёнок, что же ты ушла? Я старалась - рыбу нажарила. А ты?

- Скажи, мама, почему малышка не поёт?

- Она же поёт, когда ей вздумается. Слушай, Лисёнок, я давно тебя хотела спросить. Это правда, что ты собираешься принять постриг?

- Так хочется, чтобы крошка запела.

- Лизавета, это правда?

- На все воля Божия!

- Лиза, а как же мы?

Елизавета Александровна продолжала пристально следить за быстрыми движениями птицы и накручивать на указательный палец кончик длинной русой косы.

- А как же твои уроки в гимназии? Твои ученики? Ты всё бросишь?

- Свято место пусто не бывает.

- Ты ненароком не сердись на нас, стариков, может, мы чересчур тебя опекали, прохода тебе после Иркутска не давали. А?

- Да, что ты, мама, слава Богу за всё. Я к этому долго шла. У каждого ведь свой путь.

- Господи, Господи, такая красивая - и в монастырь. Прямо, как святая Екатерина.

- Причём здесь Екатерина... Я прошу тебя, давай оставим этот разговор, пойдём лучше ужинать, - сказала дочь, нежно улыбнулась и поцеловала мать в щеку.

Ночью отцу Александру не спалось. В лоснящемся от старости халате он долго судорожно ходил по комнате, потом вдруг метнулся к шкапу, выдвинул ящик и стал

копаться в пожелтевших фотографиях, письмах и консисторских бумагах, при этом говоря с самим собой:

«Господи, неужто такое возможно?! Прошло столько лет, и мерзость сама пришла сюда. Нет, этого не может быть. А если и вправду он! Злая ирония! Ладно, утро вечера мудренее. Завтра всё решится. Если эта шельма, в землю зарю. Сдам властям. Простить всё равно не смогу. Я не святой. Нет, это точно он - не мог я ошибиться. Прошумели годы. Властям его и не сдашь так просто. Не посмеется ли надо мной тот же исправник? Смогу ли я доказать вину негодяя?».

Два раза ударили часы. Отец Александр остановился глазами на фигурном Распятии, висевшем на стене, о чём-то задумался, на мгновение замер, кашлянул, швырнул пачку фотографических карточек на письменный стол и снова зашаркал по паркету, продолжая бубнить себе под нос: «С другой стороны, я старый священник, который должен всех любить и прощать. Должен, должен, всю жизнь я кому-нибудь что-нибудь должен. А, может, Бог приготовил мне на старости лет очередное испытание? Ну, и в лабиринт, ну, и в тупик занесла меня судьба!».

- Что же делать? - Застонал старик и схватился руками за голову.

Вконец измотав себя и устав от дум, он сел в кресло, заправил серебряные пряди за уши и закрыл глаза. За окном дул ветер. Подрагивали рамы. Надоедливо свистел несмазанный флюгер. В комнате прохудившийся рукомойник монотонно ронял в стеклянный кувшин редкие капли.

Встряхнув ночную тишину, пробили часы. Отец Александр крепко спал, свесив голову на бок и положив худые руки на бархатные подлокотники массивного кресла. Тлеющий фитилёк в абажуре догорал. Становилось темно.

Утром отец Александр всю обедню искал глазами вчерашнего гостя, несколько раз рассыпал уголь из кадила, путал возгласы, лишил прихожан праздничной проповеди и, наскоро завершив литургию, отмахиваясь от духовных чад, скрылся восвояси.

Незнакомец так-таки и не пришёл. Отец Александр отказался от еды, не выпив даже чая, закрылся у себя в комнате и не показывался на глаза. В третьем часу постучала попадья и,

усмехаясь, сказала, что «старца» настойчиво требует странный на вид господин. Отец Александр накинуд коричневую рясу и выбежал на улицу. У порога стоял незнакомец. Вид его действительно был странным. На мужчине не наблюдалось головного убора. Полы пальто почему-то были сырыми. Лаковые туфли выпачкались в грязи. Борода разлохматилась. От незнакомца тянуло спиртными парами. Гость, найдя опору руками на резном слоне верхушки трости, впился в глаза священнику и, шмыгая бледным носом, просился на разговор. Батюшка кивнул головой и жестом пригласил зайти. Через минуту незнакомец очутился в настоятельских покоях.

Отец Александр сел за письменный стол, обитый сукном цвета морской волны, завернул края рясы и взял в руки карандаш. Незнакомец повесил пальто на крючок, поставил трость в угол и сел напротив, опустившись в кресло.

За окном смеркалось. Слышался лай собак. Почерневшие кресты и очертания серого храма с облупившейся штукатуркой у входа были едва различимы. Гость важно задрал бороду и, закинув ногу на ногу, стал водить взглядом, изучая «келию» отца-настоятеля.

В тёмном углу белела смятая постель. На верхней полке резной этажерки пачка наваленных фотографий покрывала покосившиеся золочёные тома. Провисал матерчатый аналой с порыжевшей от старости книгой. Под потолком светилась лампада. Пахло храмом. На выцветшее сукно стола падал свет от бордового абажура, и было слышно, как за спиной ровно дышали напольные часы.

- Помилуйте, больше не могу, простите грех. Исповедуйте-с, - начал незнакомец.

- Такой грех смывается только кровью, - сказал настоятель.

- Как кровью? - удивился мужчина и стал гладить ладонью вспотевший лоб.

- А вот как: уродовать души и тела малым детям и отделаться только исповедью? По-вашему, не слишком ли это просто?

- Откуда вы знаете о моей слабости? - забормотал мужчина.

- Вы сами назвали меня старцем. Не так ли?

- Вы тоже узнали меня? Я не хотел! Молод был и глуп. Милуйте!

- В моём доме двадцать лет назад изнасиловали единственную дочь. Такое не забывается, - громко произнёс священник, и карандаш сломался в его руках.

- Ааа, - зарычал господин, схватился за голову руками и засверкал бриллиантом на толстом мизинце.

- Я не знаю, что с вами сделать. Всю ночь я размышлял, как наказать вас, так и не придумал. Вы поедете на каторгу! Деньги вас больше не спасут. Вы... вы добровольно сознаетесь в полиции. Вас будут судить, в конце концов...

- Как вы смеее так рассуждать?! Да, я великий грешник. Но вы, вы же не доносчик, а священник, я принёс в храм свою беду. Пришёл к старому, знающему пастырю. Это Провидение! Я не знал, что вновь встречу с вами. Искал я мудрого старца, а нашёл кого? И вы сдадите меня? Вам стоит напомнить о священной тайне исповеди. Кто вы после этого!

- Я ненавижу вас! В кандалы! - прокричал отец Александр.

- Я так и думал! Все попы такие. Поймите же вы! Не боюсь я ни полиции, ни мирового, ни каторги. Боюсь я не земных господ, а небесных! Я могу раздавить вас, как клопа. Всё утро я крутил в руках револьвер, хотел застрелиться. Потом подумал и решил - застрелиться я всегда успею.

Вчера я тоже узнал вас, но решил всё-таки прийти, вам это ни о чем не говорит?! Простите меня, умоляю вас! Да, я раньше не боролся с собой, но жизнь так искусала меня, что я пытался меняться, но у меня ничего не получалось. Поймите, то, чем страдаю я, - это болезнь. Страшная, неизлечимая болезнь. Милуйте, исповедуйте!

Понимаете, мне в жизни бывало сложно пройти мимо ребёнка, как здоровому человеку невозможно не заметить прелести красивой женщины. Поймите же меня. Вы думаете, такие люди, как я, слабые и мерзкие, как вы изволили выразиться, неприятные на вид. Может, это и так, судить вам. Но я внутренне сильный человек. Могу сражаться в штыковой. Умею постоять за себя. Могу защитить честь женщины. Не смейтесь. Да, могу. Я... я богатый человек. Деньги всю жизнь липнут ко мне... Конечно, я кутил. Проматывал огромные средства. Но видит

Бог - я боролся! Я не хочу хвастаться своими добрыми делами. Поверьте, я очень хочу стать обычным человеком. Мне очень тяжело! Я ничем не отличаюсь от других. Возможно, я наказан Богом за грехи своих предков. Простите меня!!!

- Не могу... Что бы вы сделали на моем месте? - Тихо произнёс отец Александр и закрыл руками лицо.

- Я бы... откровенно говоря, я бы загрыз вас.

Мужчина вдруг смолк, опустил голову, скрестил руки на коленях и застыл. С минуту он не шевелился.

- Но как же остановить эту сумасшедшую рулетку? Как? Как? Ведь должен быть выход? Вы должны мне верить, - Зашептал господин.

Бородач затих, сложил руки в замок и неприятно захрустел широкими пальцами. Повисла томительная пауза.

- Рулетка! Браво, я, кажется, придумал! Конечно, рулетка! Умирать - так с музыкой! - Вскрикнул господин, быстро поднялся с кресла, встал на колени и достал из внутреннего кармана полосатого сюртука короткоствольный револьвер. Как бы «сломал» оружие пополам, он извлёк из барабана желтоватые патроны, оставив лишь один. Затем захлопнул револьвер, поездил щелкающим барабаном несколько раз по рукаву и промолвил:

- В молодости я любил играть в рулетку. Вероятность выигрыша составляет один из тридцати шести. Спьяна раза два играл и в «русскую». Как видите, ещё жив. Ах, жизнь - игра! И как это раньше мне не пришла такая гениальная мысль - сыграть в рулетку! Что скажете, крупье? - сказал господин, дико захохотал и посмотрел в глаза священнику.

Отец Александр сидел неподвижно и в этот момент был похож на восковую статую.

- Делайте ваши ставки, господа! Лично я иду ва-банк! В этом бельгийском «Бульдоге» шесть зарядов. Шансы, конечно, не те, что на зелёном сукне, но я надеюсь на Всевышнего! Здесь калибр девять миллиметров, ежели что - мозги вылетят тут же!

Правой рукой мужчина ловко покружил револьвером, и, разжав левый кулак, бросил на пол пять патронов, которые, издав гулкий звук, рассыпались по паркету в разные

стороны. Кающийся фавн продолжал:

- В любом случае исповедь состоится! Сейчас я буду каяться в грехах, - проговорил он, и короткое дуло револьвера коснулось виска исповедника.

- Прекратим этот спектакль, - хрипло пробасил настоятель. Исповедник закатил глаза к потолку и произнес:

- Боже, дай мне шанс! Я буду каяться во грехах, святой отче, и, не спеша, нажимать на курок револьвера, пока вы меня не простите. Может, Бог даст мне время, и выстрел прогремит не сразу. Шансов мало, но... И бородатый господин начал свою исповедь.

- Я не хочу и не могу больше так жить! Я кричу тебе, Боже! Прости меня! Помоги мне!

Отец Александр завороченно смотрел кающемуся грешнику в покрасневшие глаза. «Этот точно застрелится. Господи, что ж это делается, его жизнь в моих руках», - подумал настоятель. Мужчина нажал на курок, раздался щелчок.

- Остановись, безумец, не искушай Господа Бога твоего...

- Простите меня. Молю вас! Что мне ещё сделать, чтобы Бог принял мои грехи, содрать с себя кожу, свариться в кипящем масле? Убить моего сына. Что, что?!

«Что же я медлю, глупец разнесёт себе череп. Как будто стреляюсь и я. Право, адова рулетка», - подумал настоятель.

Мужчина заплакал и надавил ещё раз на курок. Вновь раздался щелчок. Отец Александр не выдержал и завопил: «Остановись! Я прощаю тебя! Стой!».

Отец Александр стремительно приблизился к нему, наклонился, опустил на колени и обнял. На крик прибежали попадьа и дочь. Ошеломлённые женщины смотрели на плачущих седых мужей, на разбросанные патроны, на блестящий револьвер, лежащий на пожелтевшем паркете, и тоже зарыдали.

Отец Александр поднял голову, влажными глазами отыскал Распятие, перекрестился и дрожащим голосом проговорил: «Господи, Ты избавил душу мою от ада преисподняго». В комнате пробили часы, привычно отсчитывая время человеческого бытия, и в тишине вдруг послышалась беззаботная трель канарейки, которая, наверное, пела о любви, милосердии и доброте...